

Анна Чиж-Литаш

ПРАХ

на ветру

Анна Чиж-Литаш

Прах на ветру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186489

Чиж-Литаш А. Прах на ветру: Издательство «Четыре четверти»;

Минск; 2018

ISBN 978-985-581-189-4

Аннотация

Всегда ли закон – вершина правосудия? Или все-таки сердце, а не разум – главное мерило людских поступков? Можно ли оправдать убийцу, определив его мотивы? И может ли жертва стать главным обвиняемым?

В своем кабинете убит директор крупнейшей строительной фирмы страны. Кто оставил двенадцать пуль в груди жертвы? Полковник Виноградов вновь пробует размотать преступный клубок противоречий.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Чиж-Литаш

Прах на ветру

© Чиж-Литаш А., 2018

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2018

*«Любите врагов ваших, благословляйте
проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас
и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»*

Библия (Мф.5:44)

Глава 1

«Пока мы спим, наша душа путешествует по небесам»

Стрелка часов показывала без двадцати одиннадцать вечера. Тишину за окном нарушали проезжающие мимо автомобили, и трамвай с периодичностью в десять минут издавал небольшой гудок.

Десятиэтажное офисное здание дремало, аккуратно прикрыв веки. С парадного входа одиноко светилось окно охраны, хотя бравый сторож уже как час прибывал в объятиях Морфея. Правда, с улицы его силуэт говорил о другом: ночной охранник бдительно следит за обстановкой на мониторе компьютера.

Если бы Василий Николаевич не так сильно утомился за день, болтая с уборщицами, его глаза не болели бы от тактической компьютерной игры, где он в роли стального монстра победил всех врагов, то, возможно, он бы заметил, что в сейфе с ключами от офисов не хватает одного. Возможно, он даже совершил бы обход вокруг здания и, приподняв глаза, увидел, что в одном из кабинетов на седьмом этаже свет так и остался включенным. Тогда бы он обязательно поднялся вверх, чтобы выругаться в тишину, рассказывая пустым коридорам о том, что какой-то болван вновь забыл выключить

свет и сдать ключи, или, еще лучше, напился и уснул прямо в рабочем кресле. А ведь такие случаи имели место с периодичностью раз в неделю. И этот факт не мог не радовать Василия Николаевича.

Разбредаясь по домам, подвыпившее руководство оставляло после себя целое банкетное меню. Правда, нарушив его первозданную целостность. Это нисколько не смущало Василия Николаевича. В работе сторожа были свои преимущества. В первую очередь то, что гарантированный завтрак, обед и ужин доставались исключительно ему. Конкуrentки, сложив швабры в подсобку, в это время уже опочивали дома на желтых в красные маки простынях.

В своем шкафчике на замке, ключ имелся лишь у Василия Николаевича, он хранил целый набор пластиковых емкостей, которые он специально купил несколько месяцев назад с премии за образцовую работу. И когда «большие» начальники разбредались по домам, он, вооружившись пакетом с контейнерами и присвистывая на ходу, направлялся на банкет. Причем сам Василий Николаевич никому не навязывал свои услуги. Задержавшиеся гости лично просили охранника посодействовать в уборке кабинетов. Порой даже оставляя неплохие чаевые. Этот факт сперва смущал сторожа, ведь гости, по сути, уже щедро благодарили его угощением со стола, но затем Василий Николаевич решил, что уборка стоит гораздо больше, чем полкило отборной ветчины и нескольких тарелок со свежими овощами.

И сейчас, размеренно посапывая в кожаном кресле, Василий Николаевич даже и не подозревал, что всего в нескольких десятках метров над его головой, в яростном танго, кружит смерть.

Глава 2

«Ветер подхватил песок с земли, покружил его над деревьями и домами, но уже через несколько секунд растворил в воздухе»

Дубовый стол с ручной резьбой по краям, диван, обтянутый телячьей кожей, шкафы и стулья ручной работы, бесчисленное количество офисных аксессуаров, стоимость которых составляла такое же бесчисленное количество условных единиц, служили главным украшением комнаты. Посреди этого кабинетного шика и необоснованной роскоши лежал персидский ковер. Хозяин кабинета был крайне недоволен, когда кто-либо из подчиненных наступал на него. К слову, это относилось не ко всему контингенту фирмы: уже начальникам отделов ходить по нему было дозволено. Для обычного клерка это была запретная зона. Заходить в кабинет было нельзя, впрочем, дышать возле входа тоже не рекомендовалось.

Пренебрежение витало в коридорах, жило на полках в кабинетах, прочными масками отпечаталось на лицах персонала. Входящий сюда по запаху понимал – здесь живет зло. Описать этот аромат было сложно, практически невозможно. Как будто кто-то специально каждое утро распылял баллон с этой жидкостью, заставляя стены сохранять память.

Единожды вдохнув пары этих офисных кулуаров, ассоциации оставались в памяти навсегда, постепенно разрушая разум и пачкая душу.

Кабинет хозяина персидского ковра пах особенно. Сладковатый аромат цветов слился с запахом отсыревшего подвала и только что потушенных сигарет. К слову, сигаретное амбре пропитало не только мебель, но и стены. Выветрить запах из кабинета было невозможно. Хозяин кабинета всячески маскировал аромат, забрызгивая кабинет едкими духами, но подчиненные точно знали, когда была выкурена последняя сигарета. Столь активный интерес к вредной привычке со стороны сотрудников был вызван запретами хозяина дубового стола курить в кабинетах и даже на специально отведенной территории возле здания. Логически аргументировать столь нелогичную цепочку его мыслей не представлялось возможным. Занавес справедливости здесь не опускался никогда. За тридцать лет существования фирмы правды не добился никто. Те, кто боролись за нее, погибли в жестком бою условностей и цинизма.

Хозяин дивана из телячьей кожи всячески пропагандировал товарищеские отношения в коллективе, построенные исключительно на гуманности, справедливости и честности. Хотя ни разу за все время своего правления не последовал ни одному из этих принципов, считая своих подчиненных идиотами, не способными думать, чувствовать и оценивать ситуацию. Единственное, о чем искренне жалел офисный планк-

тон, – это о невозможности изменить ситуацию. Всяческие попытки произвести малейшую революцию терпели фиаско.

Желание владеть умами и сердцами коллег осталось лишь желанием. Повелитель дубового стола, дивана, шкафа, стульев и еще кучи барахла так и остался лишь хозяином кабинета.

Глава 3

*«Не задумываясь о содержимом, мы теряем
суть бытия»*

Персидский ковер лежал не на положенном месте. Левый край был слегка загнут, бахрома спутана. Прямо в центре на бежево-песочном фоне кровавыми красками была нарисована абстракция. Алые капли крови напоминали разбросанные по полю маки. Справа от композиции лежало тело мужчины. На белоснежной рубашке отчетливо вырисовывались следы огнестрельных ранений. На обездвиженном лице читалось удивление. Встреча со смертью в этот день у него запланирована не была. Лист ежедневника был исписан полностью, но в списке дел прощание с жизнью не значилось.

Жертва – глава крупной строительной фирмы «Строй с нами» Мазалевский Артур Валерьевич, считался одним из лидеров на рынке строительства. В должности директора проработал десять лет, а в компании – все пятнадцать. За время работы успел нажать себе не один десяток врагов. Образ жизни, стиль общения, манера ведения бизнеса оставляли желать лучшего. Поэтому десяток пулевых ранений в груди поставил жирную точку в его конфликте с жизнью.

Крепкий сон не позволил сторожу услышать звуки стрельбы. Иначе он давно бы поднял тревогу. Позже Василий Ни-

колаевич будет винить себя в том, что не смог спасти бизнесмена, но медики успокоят его, сообщив, что помочь ему было уже невозможно.

Мертвую тишину разряжал негромкий храп Василия Николаевича. Слегка склонив голову набок и приоткрыв рот, он периодически вздрагивал. Ему снился сон о том, что, придя на очередной банкет, он не обнаружил на столе еды. Ни мясной нарезки, ни овощного пиршества, ни заморских деликатесов не было. На пустом столе валялась лишь открытая бутылка красного вина. Кровавая лоза растекалась по скатерти и мелкими каплями падала на пол. От звука капель Василий Николаевич вздрагивал. Страх пропитал его тело, сдавил горло, сковал душу. Тщетно пытаюсь проснуться, он все глубже погружался в ночные иллюзии.

Оковы сна разрушил зазвеневший будильник. Стрелка часов показывала шесть утра. Открыв глаза, Василий Николаевич не сразу понял, где он находится. Проведя рукой по лицу, он заметил, что кожа покрыта испариной.

– Белый свет! Сколько же я проспал? Что за кошмарный сон!

Послевкусие сна яркой вспышкой отпечаталось в памяти. Умывшись и оправив форму, он прикурил сигарету и вышел на улицу. Надеясь, что утро с первыми лучами солнца развеет его кошмары. На горизонте только начинало светать. Огни большого города еще освещали дорогу ранним путникам. Василий Николаевич неспешно обогнул офисное

здание. Приподняв голову и наблюдая, как клубы дыма растворяются в темноте, он стал рассматривать бесчисленные окошки бизнес-высотки. В одном из них горел свет.

– А это еще что такое? – Василий Николаевич потушил сигарету и быстрым шагом направился к зданию.

Глава 4

«Лучше изувеченное тело, чем изувеченная душа»

Александр Петрович Виноградов уже пять минут неподвижно стоял перед зеркалом, пристально рассматривая свое лицо, точнее, одну его составляющую. Смена имиджа была наглядно продемонстрирована на лице полковника. Края всегда идеально подстриженных усов теперь спускались вниз по пухлым щекам. Александр Петрович терзался сомнениями: оставить или укоротить. Главное достояние его лица в последнее время подверглось критике со стороны любимых домочадцев. Алла Владимировна молча улыбалась, бросая озорные искорки в сторону мужа. Настя перешла в открытое противостояние:

– Папа, ты похож на кубанского казака! Хотя нет, лучше на барона Мюнхаузена.

Беляк, когда увидел его, пятнадцать минут заливался смехом:

– Старая умора! Ну ты даешь, дружище! Дай я тебя сфотографирую.

Сергей Васильевич достал телефон и включил камеру:

– Ты просто неотразим! И еще раз, улыбочка!

Наивный и слегка поглощенный мнимым тщеславием, Александр Петрович выпрямил спину и, не отрывая взгляда,

посмотрел в камеру.

Сегодня он уже понимал, что старый приятель не оценил его новый облик, а просто решил поиздеваться.

– За живое ведь зацепил, – приглаживая перед зеркалом усы расческой, сказал он. – Ну ничего, я подожду, пока твои оставшиеся три волосины, как осенняя листва, опадут на землю, – полковник запустил свою крепкую ладонь в густую шевелюру.

Решив, что еще денек-другой подумает над тревожащим его вопросом, полковник положил расческу для усов в нагрудный карман тенниски и вышел из ванной.

Легкий июньский ветерок помог ему открыть окно на балконе. Облокотившись о подоконник, Виноградов подкурил сигарету. Клубы дыма в лихом танце обогнули полковника и продолжили движение в сторону кухни. Александр Петрович, спохватившись, быстро закрыл балконную дверь. Алла Владимировна не приветствовала вредную привычку супруга, тем более на территории квартиры.

Поток мыслей о недостатках дворовой парковки прервал телефонный звонок.

– Привет, старина, – по ту сторону телефона послышался родной голос Беяка.

– Привет. Неужели ты про меня вспомнил?

– Ты уже постриг усы? – смех приглушил голос собеседника.

– Нет! И хватит уже мусолить эту тему! – полковник гру-

бым движением потушил окурок.

– Просто я дал себе слово, что не буду находиться с тобой в одном месте, пока ты не уберешь со своего лица физиономию глупого гусара, – в трубке раздался залиvistый смех сменившийся кашлем.

– Смотри не подавись!

Александр Петрович вышел с балкона и уютно расположился в своем любимом кресле. Увидев, что хозяин ничем не занят, Бах плюхнулся прямо ему на ноги и завиллял хвостом.

– А теперь давай по делу, чего звонишь?

– Хотел предложить тебе выгулять мозги. Сегодня ночью убили генерального директора одной из крупнейших строительных фирм страны.

– Фамилия?

– Мазалевский. Артур Валерьевич. Фигура крупная, но жутко неприятная. По телефону сообщать подробности не буду, все слишком запутанно.

– А твои буржуи как отнесутся к моему участию? Наше общество, знаешь ли, не привыкло к инициативным пенсионерам. Это раздражает. Даже меня.

– После того, как ты раскрыл дело Колесниковых, генерал лабызал тебя на каждом совещании, ты стал героем на Добромысленском. Но после твоего отказа вернуться на работу он больше тебя не вспоминал.

– Это все лирика. Куда ехать?

– Другое дело. Пиши адрес.

Перед входом в кабинет толпился народ. Любопытство брало верх над приличиями. Офисный планктон выл от лоскутных сплетен, собранных по кусочкам и неподтвержденных никакими фактами.

– Его застрели! Две обоймы!

– Нет, я слышала, как один из ментов сказал, что зарезали.

– Кто-то сказал, что он еще жив!

– Не может быть!

– Чушь! Он умер еще ночью!

Правоохранители отогнали толпу на безопасное расстояние, освободив проход в кабинет. Но сейчас, судя по их лицам, они здорово пожалели, что не закрыли от любопытных глаз весь этаж. Назойливости коллег убитого могли позавидовать самые голодные и наглые мухи.

Александр Петрович в черных, идеально отглаженных брюках, темно-синей рубашке и до блеска начищенных туфлях переступил порог строительной компании. Уверенной походкой полковник направился в сторону ярко-оранжевой ленты, заграждающей проход к месту преступления. Рядом с ним шел Сергей Васильевич Беляк. Изысканностью вкуса он не отличался. Оранжевая рубашка, помятые брюки, не видевшие утюга много недель. В руках он держал коричневый портфель, сильно потрепанный временем. Расставаться с ним Беляк не желал уже лет пять. Порой портфель служил

ему и столом, и стулом, и даже подушкой.

– Полковник Беляк, а это полковник в отставке Виноградов, – Сергей Васильевич отработанным до автоматизма движением достал и через несколько секунд спрятал в карман удостоверение. Милиционер, стоявший на входе, лишь кивнул головой и отошел в сторону.

– Здесь что-нибудь трогали?

– Работали эксперты и следственная группа.

Сергей Васильевич внимательно осмотрел кабинет: труп лежал посередине ковра. По количеству кровавых подтеков можно было легко посчитать количество пуль, оставшихся в груди жертвы. На первый взгляд, их было не меньше десяти. Зевающий на входе милиционер, наблюдавший картину расследования с восхода солнца, внимательно посмотрел на тело. На секунду ему показалось, что по лицу погибшего пробежала тень усталости. Будто он просил закончить здесь и поскорее унести его отдыхать. Уставший конвоир мысленно отогнал от себя скверные мысли и, отвернувшись от двери, стал рассматривать столпившихся сотрудников.

Александр Петрович присел на корточки рядом с телом и пристально посмотрел в лицо жертве, как будто там хранилась важнейшая информация, ключ к разгадке. Надев перчатки, полковник дотронулся до груди, изрешеченной пулями.

– Двенадцать. И не пульей больше, – задумчиво проговорил он, – гильзы нашли?

– Они у экспертов, – молодой лейтенант внимательно наблюдал за действиями усатого пенсионера.

Александр Петрович встал, медленно выпрямляя спину. Периодически боли еще тревожили его суставы, отзываясь острым ударом в каждой косточке: так они напоминали полковнику о былых болезнях.

Виноградов обогнул стол и удобно устроился в кожаном высоком кресле.

– Комфортненько. Хозяин явно не бедствовал и привык к роскошным вещам.

– У него денег куры не клюют, – сказал Сергей Васильевич, – и, как мне кажется, причина столь быстрой кончины кроется именно в финансовом благополучии.

– Люди так уж устроены, им всегда всего мало, – сказал Виноградов, тщательно рассматривая содержимое стола. – Даже когда нам якобы всего хватает, мы хотим заполучить еще больше.

Александр Петрович аккуратно провел рукой по столу и спинке кресла. Затем, нагнувшись, он провел пальцами по полу и пристально посмотрел на руку.

– Хм. Странно, – еле слышно прошептал он. Резко поднявшись из-за стола, Виноградов подошел к окну. – Значит вот как! Понятно.

Беляк приподнял брови и внимательно посмотрел на полковника.

– Что ты уже унюхал, старый пес?

– То, что твоя нюхалка никогда и не заметила бы! – улыбувшись, сказал он.

Александр Петрович принялся тщательно рассматривать кабинет, медленными шагами перемещаясь из одного угла комнаты в другой.

– Что там? – спросил Беляк, заметив, что Виноградов снова сидит на корточках.

– Думаю.

– Ну да, в такой же позе легче думается, – добрая усмешка проскользнула по его лицу. Сергей Васильевич знал полковника лет двадцать, поэтому странное поведение товарища было всегда оправданно. Ведь в итоге именно он всегда приходил к разгадке.

– Уважаемый, будьте любезны, продемонстрируйте нам улики с места преступления, – Виноградов обратился к следователю, который как раз опрашивал одного из сотрудников фирмы. Получив одобрительный кивок от Беляка, он протянул полковнику пакет.

– Неожиданный поворот, – полковник взял пакет и, положив его на стол, удобно устроился в кресле. Затем из внутреннего кармана пиджака он достал маленький блокнот, перетянутый резинкой, и черную перьевую ручку. К слову, с ней он не расставался уже многие годы, не признавая других предметов для письма.

Улики – осмотр кабинета Мазалевского А. В.

5 мая 2016 года, время: 10.15 утра.

Отложив на секунду ручку, Александр Петрович внимательно рассмотрел содержимое пакета.

*резинка для волос (женская);
два окурка от сигарет. Один от тонкой сигареты,
другой от обычной;
пуговица от рубашки жертвы;
чашка со следами губной помады (бледно-розовый
цвет);
чашка (без следов помады);
ежедневник жертвы;
мобильный телефон жертвы;
носовой платок.*

Аккуратным почерком Александр Петрович выводил одну строчку за другой. Перевернув страницу блокнота, он набросал еще несколько слов:

*бусина;
12 гильз;
нет пыли;
отсутствуют документы на столе;
женщина?*

Захлопнув блокнот, полковник спрятал его во внутренний карман.

– У меня здесь все. Ты еще долго?

– Я закончил, – ответил Беляк. – Теперь прогуляемся по офису.

У выхода из кабинета полковник остановился и еще раз

осмотрел помещение. Кивнув головой и пробормотав себе что-то под нос, как бы соглашаясь с самим собой, Виноградов вышел в коридор. Правда, через несколько секунд вернулся и крепко пожал руку стоявшему на входе милиционеру.

– Всего хорошего, – Александр Петрович быстрым шагом нагнал ожидавшего его Беляка. – С кого начнем? У тебя есть список сотрудников?

– Да, уже есть. Начнем с Сорнякова Сергея Сергеевича. Это его заместитель.

– Сколько всего сотрудников работает на фирме?

– Двадцать пять.

– Хм. Не подходит.

– Что не подходит? Ты о чем?

– Да так, забудь, – сказал полковник и опять что-то поместил у себя в блокноте.

Глава 5

*«Остерегайтесь не тех, у кого пустота в глазах,
а тех, у кого вакуум в душе»*

Сергей Сергеевич Сорняков, склонившись над рабочим столом, внимательно изучал документы. Кипы бумаг были рассредоточены по всей поверхности. Большинство документов были далеко не первой свежести. Очевидно, чистоплотность не являлась его отличительной чертой, хотя неопрятным его сложно было назвать. По-армейски идеально наглаженные брюки, стрелки которых были нарисованы, как по строительному уровню, хорошо подчеркивали фигуру. Рубашка блестела, будто только что вышла из-под утюга. Светло-русые волосы немного вились, поэтому Сорняков приглаживал их гелем. На первый взгляд определить его возраст было сложно. Он относился к той группе людей, о которых можно было сказать: ему тридцать пять, хотя, может быть и сорок восемь. На самом деле Сорняков недавно разменял четвертый десяток и, если присмотреться, то чуть седые виски сигнализировали об этом.

Казалось, смерть начальника не вызвала у него никаких эмоций. С самого утра он не выходил из кабинета, сплетни его не интересовали, а вся эта суматоха лишь отвлекала от работы. От звуков, доносившихся из коридора, он лишь хму-

рил брови и недовольным тоном что-то бормотал. Вот и сейчас, услышав стук в дверь, он с раздражением отбросил ручку в сторону.

– Здравствуйте! Полковник Беляк, а это полковник Виноградов. Извините за беспокойство, но нам нужно с вами поговорить об убийстве Мазалевского Артура Валерьевича.

– Да, конечно, проходите, – голос Сорнякова стал мягким и доброжелательным. Он наклонился под стол и на ощупь стал искать улетевшую туда ручку. – Чем могу быть полезен? – рассматривая остатки своей любимой перьевой ручки, спросил он. – Третьего падения она не пережила, – с досадой сказал он.

– Что вам известно об обстоятельствах смерти Мазалевского?

– Практически ничего. Я пришел с утра на работу, а здесь уже работала милиция.

– Где вы находились вчера вечером и ночью? – Беляк что-то помечал у себя в блокноте.

– Дома, где я еще мог быть? Ровно в восемь часов вечера я закрыл свой кабинет, сдал ключи и поехал домой.

– Вы уходили последний?

– Я не знаю. Но я частенько задерживаюсь допоздна. Работы много, а работать некому. Директор только делал вид, что вникает в рабочие вопросы, на самом деле ему было не до этого.

– А до чего ему было? – спросил Александр Петрович.

– До всего, кроме работы. Знаете, я не хочу сплетничать, хотя скоро вы все узнаете. Знал бы, посоветовал вам начать с секретариата, – усмехнувшись, сказал он.

– А если серьезно, – с нотками раздражения в голосе сказал Беляк.

– А если серьезно, то наш директор занимался фигней! Собирал сплетни, разносил их по компании, делясь с каждым. Причем порой рассказывал вещи, которые вообще нельзя было говорить. Его главное хобби было – сталкивать лбами сотрудников, а затем, потирая ручки, наблюдать со стороны, как его подчиненные перегрызают друг другу глотки. В общем, не работа, а песня.

Сорняков поднялся с кресла и подошел к окну. Немного помолчав, он повернулся к посетителям. На его лице сияла улыбка.

– Чем я могу еще быть полезен?

Неожиданная смена настроения удивила Виноградова.

– Какие у вас были отношения? – спросил он, не открывая глаз от Сорнякова.

Пауза длилась несколько секунд, но напряжение успело скопиться в воздухе.

– Обыкновенные отношения, такие, какие могут быть между начальником и подчиненным.

– И все же вы охарактеризовали его не совсем с положительной стороны, дали личную оценку его моральному облику. Почему?

– Вы удивлены, что подчиненный так говорит о начальнике, тем более о мертвом начальнике? Вы хотите правды, господа, ну что ж, мне нечего скрывать. Проще сказать, я его не любил, а он не любил меня. Он всячески пытался от меня избавиться, но у него это не получилось бы.

– Откуда такая уверенность?

– Он ни разу не сказал мне об этом в лицо. Если бы сказал, я бы сам ушел. У него был свой кандидат на эту должность, более покладистый, если можно так сказать. Он всячески лоббировал его интересы, а коллектив настраивал против меня, причем делал это примитивно и гадко. Думал, что я ничего не узнаю.

Сорняков нервно засмеялся.

– Знаете, у меня нет обиды. Сначала меня это раздражало, а потом стало смешно, – Сорняков резко оборвал себя и, повернувшись к гостям, сказал: – Я его не убивал, вы же за этим пришли сюда? Мое алиби может подтвердить жена, дети и сторож, который видел, как я покинул здание.

– Последний вопрос: когда вы уходили, директор был на месте?

– Да, он был на месте, что не свойственно ему. Обычно он уходит раньше всех.

– Вы не знаете, в его адрес поступали какие-нибудь угрозы, кто-нибудь мог желать ему смерти?

Сорняков нервно усмехнулся.

– Ответ на первый вопрос – ничего такого я не слышал,

на второй – да.

– И кто же это мог быть? – спросил Виноградов.

– Все, – сказал Сорняков, и металлические нотки в голосе разлетелись по всей комнате.

Виноградов и Беляк переглянулись и, поблагодарив за информацию, вышли из кабинета. Сорняков с выдохом облегчения упал в кресло. Затем открыл шкафчик возле стола и достал металлическую фляжку, наполненную коньяком. Не прерываясь, он выпил ее до дна.

Глава 6

«Интуиция подобна второму дыханию: захлопни двери разума, открой врата сердца»

– Он алкоголик, – подкуривая долгожданную сигарету, констатировал Виноградов.

– С чего ты взял? Запах? Я вроде не почувствовал.

– Кожа. Она у него сухая и красная.

– И что? Обветрил лицо!

– Нет, она другая. Обветренное лицо шелушиться, а здесь явные признаки больной печени. Конечно, может, я ошибаюсь и он болен, но... Что ты скажешь о дрожащих руках? И не смей говорить мне, что это от волнения. Бред. Они дрожали даже до того, как мы представились.

– И как ты это заметил?

– Очень просто. Привычка! Знакомясь с человеком, первые пять секунд не разговаривай с ним, а внимательно рассмотри! Я называю это «принцип сканирования».

– Ерунда какая-то, – усмехнулся Беляк и, приподняв голову, выдохнул дым вверх.

– Пока человек не знает, кто ты, он остается самим собой. Не вежливым, не глупым, а самим собой. Он еще не успел спрятать свои недостатки, завуалировать секреты, потому что не знает, кто ты и как себя с тобой вести! Когда мы

вошли, Сорняков был зол, даже раздражен! Но увидев нас, тут же надел маску доброжелателя. Дальше. Пока мы усаживались, он наклонился и поднял с пола разбитую перьевую ручку. Я обратил внимание, что ее корпус сделал из металла, и, чтобы разбить ее, потребуется сила, а не просто случайное падение со стола. В руках он держал неподлежащий восстановлению канцелярский товар.

– Хочешь сказать, что все это ты увидел за пять секунд?

– Не все, ручку он поднял после того, как мы представились. Дальше. Ты почувствовал запаха перегара в воздухе? Правда, он был спрятан под слоем аромата мужского парфюма. Кстати, дорогого парфюма.

– Ты же знаешь, что весной у меня аллергия на все цветущее! Мой нос с утра капризничает. Вот я и не заметил!

– Ты бы и так не заметил, – еле слышно сказал Виноградов. – Кстати, я ему верю. То, что он говорил про Мазалевского – правда. Заметь, как у него сменилось настроение! Это называется – накипело. Эмоции берут верх над разумом, и мы не контролируем наши языки. Такова уж природа человека. Ты заметил, он даже во взгляде изменился, когда я спросил его про их отношения. Нет, ему не смешно! Он в гневе! Просто эти чувства он утаил. Зачем навлекать на себя подозрение?

Александр Петрович размеренно расхаживал из одного угла балкона в другой. Со стороны казалось, что он разговаривает сам с собой, задавая себе вопросы и получая на них

ответы. Сергей Васильевич привык к такому поведению друга и ни сколько не обижался на него.

– Ты думаешь, у него был мотив?

– Думаю, да. Уверен, что не только у него. Здесь все не так просто. Это необычное убийство. По крайней мере, мне так кажется. Ладно, хватит воздух пинать, кто у нас там следующий?

– Если мы придерживаемся штатного расписания, то второй заместитель – Жордин Константин Васильевич. Сколько мы планируем сегодня опросить?

– Людей много, будем стараться по максимуму. Хотя мне еще сегодня огурцы с луком на даче сажать. Так что надо поторапливаться.

Беляк хотел съерничать, но затем передумал и, одарив друга улыбкой, покинул балкон.

Кабинет второго заместителя больше напоминал курилку на опорном пункте. Из-за дыма сигарет хозяина кабинета практически не было видно.

«Ну, хоть не нужно будет терпеть с курением», – подумал Александр Петрович и легонько похлопал по карману пиджака, где лежали сигареты.

Константин Васильевич Жордин был мужчиной тучной комплекции. Черная майка поло плотно облегла все «запасы Родины», хранившиеся под кожей. Пиджак требовал срочной замены, не выдержав пышной комплекции и трес-

нув на спине во время поедания очередной порции гамбургеров. Жордин выглядел весьма добродушно. Мягкие черты лица, пушистые волосы, приятный голос. Отмахнувшись от сигаретного дыма, Константин Васильевич попытался рассмотреть, кто переступил порог его кабинета.

– Здравствуйте, здравствуйте, – повторил он, медленно растягивая буквы. – Я вас заждался уже.

Жордин несвойственным ему быстрым шагом подошел к посетителям и протянул руку.

– Могу сразу снять ряд вопросов. Ушел домой в шесть, на офисе полным ходом кипела жизнь. Затем заехал в магазин за продуктами и домой. Ночью спал как медведь.

Аллегория про медведя вызвала у Виноградова улыбку. Полковник представил себе, как этот большой, потеющий мужчина, накрытый с головой одеялом, храпит в пустой комнате.

– Мое алиби может подтвердить моя супруга, дочь и собака. С последней я вчера провел весь вечер, так как жена и дочь выбесили меня и я с ними не разговаривал.

Беляк, приподняв левую бровь, бросил взгляд на Виноградова, который явно был впечатлен сидящей напротив личностью.

«Колоритный мужчина, – подумал он, – работать с ним, как минимум, нескучно».

– Вы, наверное, хотите спросить, в каких отношения мы состояли? Исключительно в деловых, – засмеялся Жордин. –

А если серьезно, то в более или менее нормальных. Я не приветствовал его политику управления, так же, как и манеру общения с подчиненными. Но научить пятидесятилетнего мужика манерам или привить ему моральные ценности – это из области фантастики. Совесть либо есть, либо ее нет.

– У него могли быть недоброжелатели в коллективе?

– Недоброжелатели – как хорошо сказано! Честно, я не знаю в нашем коллективе человека, который испытывал бы теплые чувства к нашему руководителю. Может, так и нельзя говорить в свете сегодняшних событий, но это правда. И лукавить я не буду.

Пухлыми пальцами Жордин достал из пачки сигарету и, немного помяв в руках, прикурил.

– Господа, вы курите? Угощайтесь.

Александр Петрович кивком поблагодарил собеседника и достал из кармана сигареты. Все трое погрузились в облака дыма. Тишина, казалось, длилась несколько минут, хотя угольки сигарет только начали тлеть.

– Знаете, я всегда считал, что достойную смерть нужно еще заслужить. Для этого нужно как минимум прожить достойную жизнь. Мазалевский за свои годы сделал много того, чего делать не надо было. Самое ужасное, что он не сожалел о своих поступках, ему не было стыдно, он ни разу не раскаялся... То есть до последнего вдоха он так и не успел покаяться. Даже перед самим собой. Знаете, не обязательно воровать или совершить мошенничество, чтобы на

тебя повесили клеймо мерзавца. Можно мило улыбаться людям, говорить комплименты, обещать, но стоит дождаться, когда дверь захлопнется, и реки грязи начинают просачиваться сквозь стены.

– Да уж, ваш шеф был вовсе не в авторитете, – задумчиво сказал Беляк.

– Его это не особо напрягало, он просто жил как умел, – Жордин потушил сигарету в темно-синей фарфоровой пепельнице. – Знаю лишь одно – это сильно обижало людей. Людей не нужно обижать, нужно жить дружно, – улыбнулся он.

– Вы не замечали в последнее время изменений в его характере или поведении? – Александр Петрович снова делал пометки в блокноте.

– Особо нет. Может только стал раздражительней что ли. Но не думаю, что он собирался отдать концы. Он очень боялся потерять свое место. Я бы назвал это паранойей. Ведь он был наемным генеральный директором, ну и владел каким-то процентом акций. Основной пакет был у Миклашевича. Он являлся владельцем сразу нескольких фирм, причем не только в Беларуси. Не знаю и, видимо, уже не узнаю, но Мазалевский, наверное, ни разу не прокололся наверху. Руководство было им довольно, свои косяки он умело маскировал. Поразительно, но он всегда выходил сухим из воды.

Виноградов что-то быстро писал в блокноте, периодически поднимая глаза на Жордина, потирая усы и кивая голо-

вой. Собираясь уходить, они искренне поблагодарили «Подозреваемого № 2», как он был записан у него в блокноте, пообещав обязательно найти виновного. На что Жордин ответил, что ему все равно.

Проводив гостей, он присел за стол и нажал кнопку «Секретарь».

– Наташа, жди гостей. Ты в своем уме? Я же тебе все объяснил! – от прежнего тона не осталось и следа. – Зачем я только тебя послушал?

Дверь вновь отворилась, и в кабинет заглянул полковник:

– Простите, я, кажется, забыл свой блокнот, – Виноградов проследовал к столу.

– Конечно, проходите, я уже весь в работе.

– Да-да, извините! А вот и он! – на краю стола лежала записная книжка. – Какой я рассеянный! Старость – не радость.

Еще раз принесся извинения, Виноградов покинул кабинет, на этот раз плотно затворив за собой дверь.

Глава 7

*«Бог дал нам два уха и один рот, чтобы мы
большие слушали и меньше говорили»*

Небольшой, но уютный кабинет был заставлен цветами в вазах. Они были повсюду: на столе, шкафу, с десяток на подоконнике, несколько пальм на полу, плюс пять полок, обвитых вечнозелеными, были подвешены практически под потолком. Это место могло показаться райским уголком, на самом же деле, здесь можно было сойти с ума. Холлы больниц с их дюжиной цветов отдыхали.

Александр Петрович настороженно переступил порог кабинета и замер на месте. От обилия красок у него закружилась голова.

– Есть кто-нибудь в кабинете? Это милиция, – практически шепотом спросил Виноградов. Полковнику казалось, что если он заговорит громче, то из офисного дендрария выскочит дикий зверь или экзотическая птица зайдется в злом щебете.

– Я здесь, проходите, – из-за большой пальмы, листья которой были похожи на лопухи, выглянула женщина.

– Добрый день. Мы вас не сильно отвлечем, позвольте задать вам несколько вопросов касательно пренеприятнейшего события, которое произошло сегодня ночью, – как можно

любезней спросил Виноградов.

Представившись, Александр Петрович протянул даме руку и крепко пожал ее.

– Наталья Дмитриевна Радушкина. И мне очень приятно. Вы знаете, я вас уже давно жду! Вы все ходите по кабинетам, а ко мне никак не заходите! Я уже думала, что вы и не придете.

Она была похожа на рыжего попугая, который мог без остановки чирикать часами, отвлекаясь лишь на то, чтобы поесть или попить.

– Не беспокойтесь, мы обязательно поговорим и с вами, и с остальными сотрудниками, – добродушно сказал Виноградов. – Я заметил, что вы увлекаетесь флористикой?

– Вы заметили? Спасибо! Да, цветы – это моя слабость. Вы знаете, у каждого из них есть имя. Я лично выбирала, отталкиваясь от характера каждого цветка!

Полковник и Беляк быстро переглянулись, одновременно приподняв брови.

Радушкина продолжала:

– Вот этот фикус – Степан Андреевич! Вы только посмотрите, какой он важный, я бы даже сказала, высокомерный! А вот эта роза – Александра Александровна. Она одновременно и хрупкая, и статная. А вот это...

Фразу ей не дал закончить полковник, который понял, что этот монолог может продолжаться бесконечно.

– Все это очень интересно, но не ответите ли вы на

несколько наших вопросов?

– Конечно, конечно! Простите, просто, когда разговор заходит о цветах, я становлюсь совершенно неконтролируемой! Могу говорить о них часами! Они мне как дети. Вы даже представить себе не можете, какой это хлопотный труд. Два раза в неделю надо...

Александр Петрович чувствовал, что еще минута и он больше не сможет держать лицо. Усы были натянуты в горизонтальную струну, а хрусталики глаз были готовы в любую секунду лопнуть.

– Скажите, как давно вы знакомы с Мазалевским?

– Ой, такое чувство, что сто лет, а на самом деле полтора года. Мне совершенно случайно предложили эту работу. У меня здесь работает знакомая в бухгалтерии, так она мне сразу и сказала, когда освободилась должность. Я была очень рада, так как сидела без дела.

Радужкина продолжала щебетать, не давая даже малейшей возможности вставить слово. Виноградов и Беляк по очереди открывали рот, со стороны напоминая рыб из аквариума.

– Работа секретаря, конечно, не вершина айсберга, но для начала карьеры – не плохо. С бумагами, правда, сложнее, чем с цветами. Бумагу ведь нужно читать, вникать, а я этого не люблю...

Полковник попробовал прервать словесный поток:

– Где вы находились с 19.00 вчерашнего вечера и до 06.00

сегодняшнего утра? – спросил полковник.

Не ожидая такой быстрой смены настроения, Радушкина немного растерялась:

– После работы я зашла в магазин, потом в ремонт обуви, относила туфли, там сломался каблук. В последнее время обувь стали делать очень некачественную. Ох уж эти китайцы! Смешной народ. Живут как муравьи!

Немного помолчав, она продолжила:

– Так о чем вы меня спрашивали? А, вспомнила, что я делала после работы? Так вот, после ремонта обуви я зашла в магазин, а потом сразу домой. Там я поела, немного почитала и уснула прямо перед телевизором, со мной такое часто бывает! Проснулась я в часа три ночи и перебралась на кровать. А с утра сразу поехала на работу. Представляете, в метро встретила одну знакомую, так она меня не узнала!

Александр Петрович подумал, что, скорее всего, ее знакомая сделала это умышленно, спасая себя от утренней головной мясорубки. В голове у этой женщины определенно фарш. Виноградов подумал о том, как было бы здорово набросить ей на голову одеяло, чтобы она мгновенно уснула. Так он всегда поступал со своим, правда, сейчас уже мертвым, попугаем, который бесконечным щебетом доводил полковника до истерики.

Говорить она могла часами, причем не уставая. Ни в семейных, ни в любовных отношениях с противоположным полом она не состояла. От того неистово мучалась жаждой

общения. Подруг с каждым годом становилось все меньше, а выдерживать коммуникативную атаку подруги становилось все сложнее. Будучи одинокой, она научилась радоваться тем вещам, которые для другого человека ничего не значили.

Цветы заменили ей людей, а общение – отношения. Порой казалось, что это не настоящее ее лицо, а картонная маска, на которой столь грамотно были прорисованы все эмоции, присущие человеку.

– Простите за вопрос, вы курите? – неожиданно спросил Виноградов. – Просто у меня и у моего друга закончились сигареты, а я заметил на вашем столе пачку.

Беляк вопросительно посмотрел на товарища. Тот лишь сверкнул в его сторону глазами.

– Да, угощайтесь, – она протянула пачку тонкого «Винстона», – можете курить прямо здесь. Сегодня все на нервах, курят чуть ли не в коридорах.

Она прикурила сигарету. Долго не раздумывая, ее примеру последовали Виноградов и Беляк. Пребывая в тишине, полковник внимательно рассматривал «друзей» Радушкиной. Казалось, они наблюдают за посетителями, готовые в любую минуту вступить за свою хозяйку.

Полковник аккуратно убрал только что упавшие на плечо стебли высокой драцены.

– Наталья Дмитриевна, прошу заранее простить меня за возможно некорректный вопрос, но это необходимо.

Она внимательно посмотрела на полковника. Александру

Петровичу показалось, что что-то изменилось в ее лице. Появилась настороженность, пропало любопытство.

– В каких отношениях вы состояли с Мазалевским? – Виноградов сделал прямой выстрел, не дав ответчице шанса собраться. Он не сводил с нее глаз, надеясь мгновенно прочесть ответ на свой вопрос.

– Уверяю вас, исключительно в деловых. Я обычная провинциальная девушка, работаю секретаршей. Такие мужчины, как Мазалевский, в мою сторону и не смотрят. «Принеси-подай» – вот кем я была для своего начальника. Если честно, то он даже имени моего запомнить не мог, каждый раз называл то Олей, то Катей. Про фамилию я вообще молчу!

– Вас это обижало? – спросил Беляк.

– Вроде нет, – немного подумав, сказала она. – Любому человеку хочется, чтобы к нему относились уважительно, а называть его именем, которое дано от рождения, – должно быть нормой, даже у очень занятых начальников.

– Как бы вы охарактеризовали своего руководителя? – полковник достал из грудного кармана блокнот и сделал быструю пометку.

«Винстон»

Наталья Дмитриевна взяла в руки пепельницу и небольшими шагами стала ходить по кабинету, огибая свой цветник. Она немного изменилась в лице, налет глупости растворился, ему на смену пришла грусть и озадаченность.

– Знаете, говорят о покойных либо хорошо, либо никак. Поэтому не хочется сейчас выливать ведра грязи на мертвеца, который, наверное, еще лежит за стеной, – она внимательно посмотрела на полковника. – Поверьте, я знаю о своих недостатках, – она немного улыбнулась, – я постараюсь быть в своем ответе как можно сдержаннее. Запомните, а вы, полковник, запишите в своем блокноте, убить этого человека мог любой в нашей компании. Я не говорю о контингенте, с которым он общался за пределами офиса. Большой мрази я не видела.

Полковник удивленно посмотрел на Беляка, но промолчал.

– Я говорю такие слова, сдерживая тот поток грязевых рек, готовых вылиться из меня. Он моральный убийца. За все время работы с ним, я честно пыталась разглядеть в нем фрагменты человеческой души, но там ничего нет! Там действительно ничего нет! – повторила она и потушила сигарету так, что все пальцы перекрасились в черный цвет.

– Вы можете привести конкретный пример его поступков?

– Не могу. Каждое его слово, поступок можно сравнить фактически с убийством человека. Он никого не уважал, не ценил, – Радужкина снова потянулась к пачке, – и не любил...

Огонь от зажигалки кровавыми искрами заиграл у нее в глазах.

– Знаете, никому нельзя желать смерти и мы, возможно,

не узнаем, имеем ли право забирать жизнь у человека, даже если он действительно достоин высшей меры наказания. Но, я думаю, на все воля Божья. И кто-то сверху, управляя нашими руками и головами, принимает решение.

Полковник удивленно, не отрывая глаз, смотрел на Наталью Дмитриевну. Она поймала его взгляд, разгадала его и, улыбнувшись, спросила:

– Александр Петрович, вы согласны со мной?

Полковник не растерялся и быстро ответил:

– В целом, да. Это меня и удивило. Ваша философия в этом вопросе очень схожа с моей. И все же, что плохого сделал вам ваш начальник? Ведь признайтесь, если бы все было так плохо, вы могли бы найти себе новое место работы.

– Не могла. Сейчас очень сложно с работой, да вы и сами знаете. Мне очень нужны деньги, я коплю...

Она резко замолчала.

– Вы хотите знать, какие поступки он совершал? Если я начну говорить, то вы не выйдете из этого кабинета месяц. Честно, я не хочу говорить об этом. Кстати, я вам не предложила ни чая, ни кофе! Не справилась со своими прямыми обязанностями, – она нервно рассмеялась. – У меня сегодня еще очень много дел, нужно успеть полить все цветы, разобрать документы за два дня. Вы даже не представляете, как порой скучно читать эти документы! Иногда я начинаю засыпать!

Радушкина вновь вернулась к своему первоначальному

состоянию. Хотя полковник уже был не уверен, кто стоит перед ним: глуповатая, с языком без костей секретарша или глубоко несчастная и одинокая женщина. Пока Виноградов делал пометки в блокноте, она продолжала болтать. На мгновение ему показалось, будто кто-то включил запись на магнитофоне, немного ускорив ее для быстрого прослушивания.

Полковник с облегчением вздохнул, когда дверь приемной с громким стуком захлопнулась за его спиной.

Глава 8

*«Можно быть свободным и в оковах, можно
быть заключенным, находясь на просторах»*

Товарищи молча шли к машине. Немного уставшие и озадаченные, они не успели сделать и половину того, что планировали. Александр Петрович молчал, периодически потирая пальцами усы. Те, кто знал его привычки, понимал, полковник может нарушить усатую прическу лишь в случае глубокого погружения в себя. Проще сказать, он думал и не замечал ничего вокруг.

У Виноградова была черта, которая крайне раздражала его родных и друзей, остальные при первых встречах не улавливали суть. Если полковник был чем-то крайне увлечен: любимым фильмом, работой на огороде или просто думал о чем-то невероятно важном – он не слышал никого. Причем он даже не делал вид, что слушает. Иногда звать его можно было несколько раз, стоя в метре от него, но все было зря. Супруга и дети так и не смогли смириться с этой чертой характера главы семейства, друзья подшучивали над ним и порой специально говорили про него гадости, но он даже ухом не вел.

Вот и сейчас Беляк тщетно пытался достучаться до друга, то и дело, задавая ему вопросы. Когда монолог ему наскучил,

Сергей Васильевич резко одернул товарища за плечо:

– Ау, я с кем разговариваю уже пятнадцать минут? Ты хоть что-нибудь услышал?

Полковник вздрогнул, как будто очнулся после крепкого сна.

– Не мешай. Я думаю.

– Молодец, что ты думаешь! Может, тогда поделишься мыслями, мне вообще-то тоже есть, что сказать, – с обидой в голосе произнес Беляк.

Полковник уловил нотки настроения друга и лишь улыбнулся.

– Понимаешь, мой друг, в этом деле слишком много нестыковок. Множество вопросов, на которые у меня пока нет ответов. И это мы только начали расследование.

Виноградов и Беляк сели в машину. Александр Петрович, пробурчав что-то себе под нос, отодвинул сидение автомобиля назад и удобно вытянул ноги.

– Я смотрю, государство не перестает экономить на правоохранительных органах. Разве это машина? Это же консервная банка. Я не говорю уже о технических характеристиках этого чуда инженерной мысли.

– Ты просто до сих пор злишься на родную милицию! Ты еще консервных банок не видел. И, кстати, эта машина не предназначена для погони, она предназначена для того, чтобы возить мое тучное тело по служебным вопросам.

Виноградов ухмыльнулся и посмотрел на мелькающие за

окном жилые дома. Воспоминания о бывшем месте службе не давали ему покоя уже второй год. Полковник искренне верил в суть знаменитого выражения «время лечит». К сожалению, пока лекарство от этой болезни он так и не нашел. Микстура в виде коньяка и виски, которую он принимал, так и не помогла ему, наоборот, лишь еще больше губила его здоровье.

Почти два года прошло, как полковника «попросили» освободить должность начальника уголовного розыска города. Причем просьба была равнозначна приказу. Александр Петрович пытался сопротивляться, но он сразу же проиграл: рука несправедливости и подлости легла на плечи его подчиненных. Бесконечные проверки, вызовы на ковер, угрозы увольнения... Виноградов понял, что это может продолжаться бесконечно. Через несколько дней, собрав вещи, он ушел, тихо закрыв за собой дверь. Дело Колесниковых частично вернуло его к жизни, открыло второе дыхание, но на приглашение вернуться назад он ответил отказом. И вот сейчас он вновь в игре. Рядом Беляк, новое убийство и голова работает на полную мощь. Полковник невольно улыбнулся и закурил сигарету:

«Теперь хоть не придется по вечерам слушать Настины истории про бомжей и кражи мобильных, – подумал он, – мне и самому будет, что рассказать ей. И вообще, когда она уже окольцует со своим ухажером и съедет к нему. Сколько можно ходить уже! Второй год пороги обивает».

– Кстати, как тебе Настин ухажер? – будто читая мысли товарища, спросил Беляк. – Сколько можно уже тягаться?

Виноградов ухмыльнулся.

– Не поверишь, я только что об этом думал! Надо с ней серьезно поговорить! А то она со своей службой всех женихов растеряет. Но этот вроде ничего такой. Основательный.

– Основательный?

– Ни одного опоздания! Представляешь? А это говорит о многом! Да и любит он ее, это видно.

– Ну так пусть женятся, – сказал Беляк, тщетно пытаюсь поймать волну любимой радиостанции.

– Так я же не против! Надо с ней поговорить, а то она уже заигралась в опера.

Машина мчалась по проспекту, ловко виляя между малолитражками и автобусами. Город томился в летних лучах солнца, глубоко вдыхая частицы свежего воздуха лишь тогда, когда солнце пряталось за облака. Пары углекислого газа продолжали пропитывать городской асфальт, стены домов, витрины магазинов. А изредка попадающиеся на пути деревья, как мощные наносы, пытались быстро переработать элементы таблицы Менделеева в частицы кислорода. Каждый раз при взгляде в окно полковник недовольно шевелил усами и хмурил брови.

– Слишком много машин! Уму непостижимо! Если произвести опрос, кто и куда сейчас едет, то большая часть людей занимается ерундой. В магазин три метра пройти – они

садутся в машину! Это не просто экологическая катастрофа, это апогей лени! Апокалипсис разума и тела! Это я не говорю тебе о культуре вождения, о взаимоотношениях на дороге.

После этих слов Виноградов помассировал виски и демонстративно положил руку на область сердца. Беляк знал, что философствовать его друг начинает, когда хочет переключить свои мысли с больной темы. Хотя на этот раз товарищ кивал искренне, выражая полную солидарность в адрес сказанного.

На сборы Александру Петровичу понадобилась пара минут. Беляк еле успел докурить сигарету.

– У тебя дачная сумка собрана как тревожный чемодан?

– Что-то в этом роде, – улыбнувшись, сказал полковник. – Мы на твоей поедем или на моей?

– Поехали на моей, завтра с утра все равно возвращаться на службу, а комплект одежды «запасной» лежит в багажнике. А где супруга?

– Алла дома. Я ей объяснил в двух словах, что нам нужно поговорить, ну и у меня есть пара неотложных дел на даче.

– Лук посадить? – усмехнулся Беляк.

– Не ваше дело, товарищ полковник, – улыбаясь во все тридцать два, сказал Виноградов.

Двери машины захлопнулись, и старушка «Лада» резво помчалась по улицам столицы. Уже через пятнадцать минут урбанистический пейзаж сменился живописным ландшаф-

том. Александр Петрович в очередной раз подумал о своей даче: «Как же здорово, что я ее купил!»

Глава 9

«Чтобы пристально рассмотреть жизнь, не обязательно надевать очки, нужно лишь желание созерцать»

Виноградов по-хозяйски обвел взглядом просторы своего участка и удовлетворенно закивал головой. Грядки были идеально размечены. Не было сомнений: если перемерять каждую рулеткой, разница не составит даже миллиметра. Открыв дверцы теплицы, полковник выпустил на улицу аромат солнца, травы и зреющих помидор. Довольно улыбнувшись, Александр Петрович продолжил экскурсию для друга. Сергей Васильевич вежливо кивал головой и курил одну сигарету за другой.

– Вот мое последнее достижение – стойка для виноградника! А вот сам виноград!

Беляк посмотрел по сторонам стараясь найти долгожданный кустарник.

– Ах, вот он! Я сперва и не заметил! – вежливо сказал Беляк, разглядывая куст винограда, больше похожий на крупный сорняк.

– Он еще маленький, но к следующему году подрастет.

Виноградов принялся в красках рассказывать, как листья винограда оплетут металлический заборчик, специально по-

ставленный для него. И как уютно здесь будет. И как же здорово будет сидеть за столиком, спрятавшись от посторонних глаз и наслаждаясь великолепием природы.

Александр Петрович сиял. Беляк посмотрел на друга, как на сумасшедшего.

– Где у тебя пиво? – спросил он.

Александр Петрович недовольно оторвал взгляд от воображаемого виноградника:

– В холодильнике. Ты же знаешь!

Сергей Васильевич резво направился в сторону дома:

– Замечательная идея с виноградником, – отделившись на несколько метров, крикнул он. – Тебе взять пиво?

Виноградов лишь махнул рукой и, еще раз осмотрев уголья, направился в сторону дома. На самом деле его мысли были поглощены не столько огородом, сколько убийством Мазалевского. Вопросов было слишком много, а ответы не спешили четкими пазлами складываться в голове.

Вместе с Беляком они быстро накрыли на стол в беседке. Чисто мужской ужин украшал стол: пиво, криво нарезанные овощи – Беляк старался как мог – в таком же стиле были нашинкованы колбаса и сыр. Александр Петрович, увидев сложенную горками нарезку, недовольно посмотрел на товарища.

– Ну, прости меня, эстет! Как умею, тем более на вкус это никак не влияет.

– Жениться тебе надо, старый пень! Может хоть кто-то

научит тебя элементарным бытовым вещам!

Сергей Васильевич, не сказав ни слова, аккуратно разлил пиво по бокалам, не проронив ни капли на стол.

– Зато смотри, как пиво наливать умеет! Идеально! – не успокаивался полковник.

– Ежедневные тренировки! Это тебе не колбасу ровно порезать. Здесь нужен глаз-алмаз!

Звон хрустальных пивных бокалом нарушил первозданную тишину. Сделав пару глотков, довольные товарищи приступили к трапезе.

– Итак, дружище, что мы имеем? У тебя уже есть мысли относительно убийства Мазалевского? – чередуя слова с глотками холодного пенного, спросил Беляк.

Александр Петрович внимательно посмотрел на Беляка:

– Пока сложно делать выводы. Картина не ясна. Но интересные моменты есть. И в этом весь сок!

Виноградов достал из кармана записную книжку и быстро пробежался глазами по содержимому.

– Ты помнишь, сколько отверстий оставил убийца в теле жертвы?

– Да, если не ошибаюсь, то двенадцать.

– Тебя ничего не смущает?

Беляк задумался и прикурил сигарету.

– Ну, подумай. Что здесь странного? – Виноградов пристально посмотрел на друга и, не увидев в его глазах ответа, продолжил. – Сколько патронов вмещает себя магазин пи-

столета, из которого он был убит?

– Восемь, – быстро ответил Беляк.

– А убийца выстрелил двенадцать раз! Вопрос: зачем? Ведь Мазалевский наверняка умер если не от первого ранения, так от второго точно. Зачем тогда убийца перезарядил пистолет и выпустил еще четыре? Почему тогда не все шестнадцать? Было бы ровно два магазина.

– Может ярость? Злость? Сначала стрелял и не мог остановиться, а потом, перезарядив и сделав несколько выстрелов, остановился.

– Надоело? Устал?

– Ну да!

– Не знаю. Мне кажется, что здесь что-то не так.

Александр Петрович достал сигарету из пачки и принялся пальцами разминать табак.

– Я уверен, что это важная деталь в расследовании. Не стоит забывать об этом. Пометь у себя в голове этот пункт.

Беляк мысленно поставил галочку, хотя понимал, что сам он вряд ли разгадает эту загадку. Виноградов всегда был для него примером не только офицера и друга, но и человека особого склада ума. Дела, которые друг щелкал как орешки, для Беляка были тайной. Когда Беляк остался в управлении один, он понял, какой утратой для всей милиции стало увольнение Виноградова. Белорусский Пуаро – так про себя он называл Александра Петровича, но вслух об этом никогда не говорил. Понимал, что друг, при всем его воспитании,

зазнается. От мыслей Сергея Васильевича отвлек голос полковника:

– Пыль. На полу не было ни грамма пыли.

– Ты о чем? Какая пыль?

– Помнишь, в кабинете жертвы я несколько раз ронял вещи? Я делал это специально, в надежде найти улики. И обнаружил один странный факт. Пол был идеально вымыт, даже в самых отдаленных уголках кабинета не было пыли.

– Может быть, уборщица накануне убрала кабинет? Что здесь странного?

– На первый взгляд ничего, но я обнаружил кое-что интересное. Подоконники в кабинете были с налетом пыли. Никто так не делает уборку! Тем более женщина.

– Может, забыла?

– Бред! Сначала всегда вытирают пыль, особенно в офисах. Как можно вымыть каждый угол в кабинете, а про подоконник, который находится на виду у всех, забыть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.